

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Клишина М.В.

к.ф.н., профессор

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

Клишина Е.А.,

магистр,

м.н.с. НИИ экономических и правовых исследований

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

Вопрос об инновациях сегодня заставляет вспомнить, что в развитых странах курс на наукоемкие, или «цифровые», технологии был взят еще в середине 70-х гг. XX в. А начиная с конца 70-х гг. было разработано уже пять поколений волоконно-оптических систем связи, отличающихся возрастающей скоростью передачи информации и более совершенной элементной базой. [1]

В СССР же вместо поворота к неоиндустриализации последовали вначале метания от ускорения к перестройке, затем они сменились разрушительными крайностями шоковой терапии. Большинство постсоветских стран потеряли и время, и место в международном технологическом обмене. Была уничтожена и экономическая система, способная наиболее эффективным образом концентрировать материальные, трудовые, научные и финансовые ресурсы на стратегически приоритетных направлениях промышленного подъема.

Новый этап реформирования экономики в Казахстане связан экономическим ростом на основе инновационного развития промышленности. В связи с этим, для экономической и правовой науки изучение инновационных процессов и его правового обеспечения становится принципиально важным, так как динамика и качество экономического роста все сильнее зависят от технологических сдвигов на базе инноваций.

Чтобы в полной мере использовать научно-технический потенциал для инновационного развития промышленности, повышения его эффективности и успешного решения на этой основе социально-экономических задач общества, необходима дальнейшая разработка научно-обоснованной системы управления научно-техническим и социальным прогрессом, развитием образования и науки. Принципом взаимосвязи между которыми может быть признан принцип синхронизма.

Если мы не задумаемся сегодня об условиях развития человеческого капитала, инновации нам будут непосильны. Можно показывать преимущества той или иной модели социальной рыночной экономики, но очевидно одно: самой приемлемой на сегодняшний день перспективой для человечества является социальная модернизация, развитие образования, науки. о чем еще в 90-е годы говорил наш соотечественник академик Сагадиев. Иначе экономика знаний невозможна. Олигархическая же элита думает не о социальном прогрессе, не о развитии человеческого капитала, а о собственной сиюминутной свехприбыли. (Почему то тема свехприбыли перестала быть темой научных дискуссий.)

В юридической и экономической литературе отмечается, что любые изменения в экономике государства, затрагивающие формы и распределение собственности, должны быть регламентированы правом, законом. Необходимо подчеркнуть, что в цивилистике никем не ставится под сомнение воздействие экономики на право. Сформулируем вопрос достаточно жестко: можно ли, не меняя макроэкономические условия в постсоветских странах, обеспечить социальный прогресс и подъем качества жизни?

Каковы перспективы развития человеческого капитала? Как известно, в свое время советская экономика блестяще справилась с задачей индустриализации на основе электрифицированных производительных сил, благодаря чему Советский Союз по праву считался второй индустриальной державой мира. Но прогресс

пошел дальше, и его достижения вывели развитие на более высокий этап, который более точно можно определить как технотронный. Явно необходим был технологический прорыв, но технологические преобразования были отодвинуты на периферию социально-экономическими реформами и сменой форм собственности.

Однако, сегодня все признают неизбежными смешанные формы собственности, в том числе переходные от одной формы к другой. Например, если собственность на рабочую силу является индивидуальной, на средства производства - общей, на землю - государственной и все эти факторы производства соединены на одном предприятии, то собственность предприятия заведомо становится смешанной. Отсюда следует, что мы вынуждены признать взаимопроникновение и совместное существование разных форм собственности в пределах одного объекта.

Одни и те же средства производства могут быть одновременно в определенном ракурсе объектами разных форм собственности. И уж заведомо могут различаться владелец, распорядитель, пользователь объекта. Однако это обстоятельство не должно служить поводом для незаконного и несанкционированного использования объектов собственности субъектами, не имеющими на то оснований. Насколько это соотносится с развитием человеческого капитала?

Критерий оценки оптимального сочетания форм собственности может быть только один: какая форма собственности обеспечивает в данный исторический момент и в отдаленной перспективе более высокий уровень удовлетворения потребностей населения в благах с учетом индикаторов качества жизни.

В связи с кризисной ситуацией в мире и Евросоюзе не грех вспомнить с чего начиналось немецкое социальное и экономическое чудо. Рыночная экономика, - подчеркивал Л. Эрхард в своей книге «Полвека размышлений», - оправдана с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше, чем какая-либо иная форма экономики, обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей всего народа, когда она в максимальной степени наделяет номинальные доходы граждан реальной покупательной способностью [2]. Затянувшийся мировой кризис подтвердил, что надежды на рыночные механизмы регулирования социально-экономических отношений оказались несостоятельными.

С позиций современной методологии, собственность как социальный феномен обладает свойствами, позволяющими трактовать её как мирообразующее, «предельное» понятие, опирающееся на универсальную идею границы [3]. В качестве такового собственность может рассматриваться как одно из ключевых понятий в анализе диссонанса глобального и локального, к которому сводится в конечном итоге весь спектр проблем современного общества. Через них получают возможность выражения непосредственно присущие человеку жизненные устремления. Демаркация «владения» и «собственности», признание их принципиально различной природы – либо отказ от данного разграничения – является, на наш взгляд, важнейшим диагностическим инструментарием социальных структур, основанием конституирующего деления на внутреннее и внешнее, цивилизационное и культурное.

Первое место, отводимое «владению» в рассматриваемой дихотомии, наиболее адекватно, на наш взгляд, именно в контексте экономико-социологического анализа. Будучи своего рода инверсией классической категориальной иерархии римского права, оно отражает принципиально иной мир смыслов, характерный для социальной сферы.

Именно «владение», рассматриваемое как цивилизационный и культурный феномен, оказывается мерилom того хозяйственного, телесного и другого материального опыта, который проявляется в жизненной целостности общества. Со времен К. Савиньи оно рассматривается как непосредственное взаимодействие человека и вещи. Владение вещью определяет социальный статус людей, становясь подчас в настоящее время одним из немногих опознавательных знаков, фиксирующих место человека в общественной иерархии. С позиции пространственно-структурного подхода; становится возможным наиболее полное раскрытие «владения» и «собственности» как актов присвоения элементов системы внешнего мира, как формы слияния человека и вещи. Здесь становится допустимым чрезвычайно широкий диапазон различных аспектов данной тематики: от отождествления владения вещью с деятельностью вообще [14] до латуровской акцентуации вещной повседневности [15].

Собственность, по мнению ряда экспертов, является одним из тех социальных феноменов, которые составляют суть этого

«напряжения границы». Динамика форм владения меняется вместе с коренными преобразованиями жизни людей, осознание собственности носит смыслообразующий характер.

Как «граничные» феномены владение и собственность отражают и экзистенциальные функции, и преодоление времени, и принадлежность к определённой страте, и фокусирующий центр взаимодействия социального, культурного, экономического пространств?

Неподвижность в одном из них может сочетаться с перемещениями в другом, поскольку как объект вещь множественна. Данная исследовательская программа наиболее полно отвечает, на наш взгляд, тем требованиям, которые предъявляются к анализу «владения» и «собственности» как междисциплинарному понятийному комплексу, каждый раз по-новому раскрывающемся в пространстве экономики, политики, права и т.д. Эта программа позволяет произвести столько же пространств и времён, сколько существует конституирующих объект социальных и экономических отношений. По отношению к собственности это допускает максимально обобщённую её трактовку как «совокупности различных видов власти или капиталов, имеющих хождение в различных полях» [6, с.15].

Данный путь осмысления, реализованный в ресурсной концепции стратификации, снимает понятийно-категориальные затруднения, связанные с сопоставлением «вещи» и «ресурса», позволяет рассматривать в едином ключе собственность в материальной и интеллектуальной сферах. В рамках этой модели открывается новый путь осмысления транзитивного состояния социальной и экономической реальностей – как дисбаланс «пространства потоков», «пространства сетей» и «пространства мест» [7, 8].

Хрестоматийной истиной является признание того, что в любых социально-исторических условиях понятие «собственности» соотнесено в первую очередь с ключевым ресурсом власти.

Отношения человека и вещи вплетены здесь в тот процесс конституирования, через который психическое воздействует на социальное, через который символические структуры влияют на экономическое. Ресурс выступает здесь как «вещь из вещей» [9], задающая пространство человеческой экзистенции и посредством различных механизмов собственности и владения опосредующая взаимодействие личности и общества.

В заданных координатах возможно показать широкий спектр жизненных реалий, детерминированный тем социальным выбором, который делается человеком в отношении ключевого ресурса власти. В теоретической социологии подобный подход реализуется в ресурсной концепции стратификации, где критерий владения различными видами ресурсов используется в качестве основополагающего классификационного принципа [10].

Владение землёй – исторически первое присвоение вещи. Необходимость государственной власти в качестве надёжного основания права на землю в условиях уже проведённых границ – ключевой момент расхождения между романтической традицией руссоизма и кантианской метафизикой права. Собственность на землю и распоряжение ей – одно и то же, человек привязан к месту, имеет строго фиксированное место и в географическом пространстве, и в социальной иерархии. Именно в этом смысле «захват земли есть укоренение в царстве смыслов истории» [11, с. 18].

Отношения собственности в аграрном обществе есть отношения места, опосредованное общностью духа, одинаковой настроенностью, совместными действиями в едином направлении [12]. Захват земли предшествует её обработке, сама же земля как объект присвоения предшествует своему захвату; соответственно формируется трёхчленная сословная структура. «Меч», «ряса» и «плуг» (соответственно аристократия, духовенство и крестьянство) составляют взаимосвязанную систему

отношений, опосредованную и гармонизируемую землёй как «матерью права» [11]. В терминологии О. Шпенглера «меч» и «ряса» отождествляются со временем и пространством – условиями существования самой земли как объекта собственности. Этим обусловлено преимущественное право на владение землёй и господствующее положение в социальной иерархии [13].

Вопрос о собственности есть в то же время вопрос о месте, которое человек мог бы назвать своим собственным, об обретении чёткой локализации, столь же однозначно определяющей функции в этом мире. И человек, и вещь в аграрном обществе монофункциональны, основой модели потребления является стремление иметь то, что действительно необходимо.

Предназначение человека и вещи были включены в единый механизм реализации «sense of one's place», где «практическая материя социальной структуры раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре» [6, с. 22]. Что же сегодня, мы возвращаемся к монофункциональности человека и вещи аграрного общества? Это ли не демонстрация нашей методологической и теоретической беспомощности?

Разграничение между владением и собственностью применительно к аграрному укладу жизни имеет ярко выраженную сакральную составляющую, что отмечается, в частности, Х. Арендт в её известной работе «Vita activa» [14].

«Недвижимость» собственности обозначается ею как тождество с землей и с семьей, живущей на этой земле. Владение, имеющее гораздо более позднее происхождение, есть не столько место в мире, сколько свобода от насущных нужд. Поэтическая ссылка на Ш. Бодлера, утверждавшего, что «правление – дело королей, а владение имуществом – дело подданных», призвана подчеркнуть социальную дистанцию как демаркацию между предметностью осмысленной и предметностью потребляющей. Иными словами, владение есть жизнь, в то время как собственность – смысл этой жизни; в вещи можно, таким образом, видеть как «sense of one's place», так и свободу «парения» в социальном пространстве.

Соответственно, отношение человека и вещи составляет органическую часть «regere fines» и «regere sacra», вербального проведения границ между группами, между священным и светским, между добрым и злым, низким и возвышенным» [14, с. 33]. Разграничение владения и собственности может быть рассмотрено

как мера свободы человека в социальном пространстве, на которую претендуют, с одной стороны, элита, с другой стороны – интеллектуалы.

Самый позитивный и вследствие этого чрезвычайно популярный миф собственности восходит к тезису Дж. Локка о труде как о первоначальном источнике права владельца. Метафизическая природа его не опосредована никакой связью ни с трудом, ни с жизнью вообще; тем не менее, она, как и тремя столетиями ранее, продолжает оставаться надеждой на гармонию с миром вещей и в конечном итоге – с противоречиями социальной сферы.

Вспомним, что экономика знаний с точки зрения ресурсной концепции – феномен неоднозначный и в экономическом, и в социальном пространстве. С одной стороны, большинством теоретических подходов в качестве ключевого ресурса власти признаётся знание, стало быть, в контексте рассматриваемой тематики речь может идти об интеллектуальной собственности и о возможности владения ею. Демаркацию «владения» и «собственности» можно, таким образом, определить как социально и экономически зримое воплощение барьера между различными порядками детерминации.

Деформация жизненного пространства современного человека инициирует обращение к основополагающим понятиям хозяйственной реальности, где прежде порядок мира идей отражал порядок мира вещей.

В период становления постиндустриального (постэкономического) общества, где ключевой проблемой является утрата значимости материальных интересов, вещи семантизируются, их владение и потребление могут рассматриваться в контексте «социальной судьбы», противопоставляющей классы. Постиндустриальной цивилизации свойственно «культурное принуждение», а для постсовестских государств тем более. Постиндустриальное общество с точки зрения ресурсной концепции – феномен неоднозначный и в экономическом, и в социальном пространстве.

С одной стороны, большинством теоретических подходов в качестве ключевого ресурса власти признаётся знание

Ментальное, локализованное во времени, но не в пространстве, ещё в большей степени, нежели техника, порождает проблему меры принадлежности человеку. Главным социальным противоречием

становится оппозиция собственников ресурсов и теми, чьей собственностью является способность к простому труду, которая в таком масштабе просто не нужна и, следовательно, не может рассматриваться как актив. С другой стороны, современное постиндустриальное пространство открывается не через подлинную монументальную вещь, а через взаимную соотнесённость вещей, ставится под сомнение существование властного ресурса как такового. Соответственно экономический аспект собственности как взаимодействия человека и вещи реализуется в рамках линейного и прогрессивного поступательного развития, социальный и нравственный – в пределах цикличности, где ресурс убывает и возрастает на протяжении многочисленных поколений. Классическая триада римского права размещает «владение», «пользование» и «распоряжение» в сфере чистой мысли – единственной, где они могут функционировать как однопорядковые.

В материальной действительности гарантия роста социального капитала в цикле столь же невозможна, как и обратимость вспять экономического и технического прогресса. Проблема исчезновения границы может быть в целом рассмотрена как проблема коэволюции человека и постоянно трансформирующегося ключевого ресурса власти. Сегодня в экономической теории прав собственности» (Экономическая теория прав собственности это наиболее известная теория неинституционализма. Наибольшую роль при разработке этой теории сыграл Рональд Коуз (нобелевский лауреат 1999 г.), давно занявшей центральное место в современной экономической теории, общепризнано, что именно права собственности являются правилами игры в обществе в целом и именно на них строятся сугубо экономические отношения спроса-предложения. [16]

Англо-саксонская теория стала основой современной теории прав собственности. Суть ее состоит в том, что в экономике нет абсолютных прав собственности. Любое экономическое решение должно опираться на тот определенный набор прав собственности или «пучок правомочий», который достаточен и необходим для наиболее выгодной реализации экономического решения. Стремление каждый раз к приобретению абсолютных прав собственности может привести к излишним издержкам по обслуживанию прав собственности, что ведет к снижению

эффективности экономических решений.[17] На монополизации различных объектов собственности держатся все важнейшие формы принуждения к труду. В реальной практике, как правило, мы имеем дело с усеченными правами собственности, когда некоторые элементы пучка правомочий не «приписаны» к строго определенным лицам.

Список литературы:

1. Дианов Е. М. Интервью. Экономика и статистика № 4, 2003
2. Эрхард Л. Полвека размышлений: речи и статьи // Пер. с нем. М.: Наука; ТОО «Ордынка», 1996.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – 366 с.
4. Артсег. Владелец вещи, или онтология субъективности. // под ред. С.Г. Чиликова. – Йошкар-Ола – Чебоксары: АФИТ-Владиком, 1993. – 352 с.
5. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с. С.169-198.
6. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов. // П. Бурдьё. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. С. 14-48.
7. Локк Дж. Объекты и пространства. // Социология вещей. – М.: Территория будущего, 2006. – 392 с. С. 223-243.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
9. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 222с.
10. Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма стратификационных исследований // СОЦИС. 2006. №9. С. 28-41.
11. Шмитт К. Номос Земли в международном праве *jus publicum europaeum*. // К. Шмитт. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.
12. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 452 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1376 с.

14.Шмитт К. Теория партизана. Промежуточные замечания к понятию политического. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.

15.Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни – СПб.:Алетейя,2000. – 437с.

16.Капелюшников Р. Собственность без легитимности. Мировая экономика и международные отношения, 2007, с.114.

17. Курс экономической теории. Учебное пособие. Под ред.А.В. Сидоровича. МГУ, изд. "ДИС", 2007, с. 468-469